

ДИСБАЛАНС

Эрлик А.

(США)

Анализ проблемы товарного голода, который был осуществлен Е. А. Преображенским, является базой для нашего рассмотрения дискуссии об индустриализации. Напомним, что главным положением определенного им диагноза, впоследствии неохотно признанного его оппонентами, было то, что баланс в экономике России был нарушен одновременно с двух сторон. Произошло уменьшение размеров капиталов, а доля потребления в национальном доходе резко возросла за счет как вынужденных, так и добровольных накоплений. Для того чтобы ликвидировать разрыв между возможностями производства и размерами спроса, необходимо было существенно увеличить мощности, особенно промышленного сектора, пострадавшего больше остальной экономики и испытывавшего теперь основное давление скрытых расходов. Это, в свою очередь, требовало более чем пропорционального увеличения выпуска оборудования для указанных мощностей, осуществляемого отраслями, производящими средства производства. До тех пор, пока большая часть мощностей заводов еще не использовалась, решение поставленных задач могло откладываться, но после их уже нельзя было игнорировать.

Таковы, в сжатой форме, его аргументы и в них нет ни одного положения, которое могло бы быть подвергнуто сомнению с точки зрения посткейнсианской экономической теории. Интересно, например, что настойчивость Е. А. Преображенского по поводу увеличения капитальных вложений через 20 лет была подкреплена выдающимся британским теоретиком. Он отметил, что в период послевоенного восстановления экономики *«технически необходимо использовать имеющееся в наличии большее количество труда для производства не предметов потребления, а продуктов для инвестиций»* [1, с. 155]. Еще больше заслуживает внимания сходство выдвигаемой аргументации, причем западный экономист более энергично и точно обосновал положение об исчерпании возможностей увеличения выпуска продукции при существующих мощностях. Тем не менее сходство с сегодняшними представлениями не ограничивается подчеркиванием необходимости существенного увеличения размеров капитала, оно заключается и в описании опасностей, внутренне присущих такой политике. Конечно, советским экономистам 20-х годов не удалось четко сформулировать противоположность между двумя видами эффекта капитальных вложений — ростом запасов капитала и порождением расходов. Однако, как показывает описание их подходов, все участники дискуссии фактически были уже близки к пониманию этих эффектов и осознали, что если первый увеличивал стабильность советской экономики, то второй способствовал ее дестабилизации. Приведем высказывание Е. А. Преображенского: *«Постоянный товарный голод означает голод на новый капитал в части развивающейся экономики»* [2, с. 248]. Такое развитие легко может быть описано в терминах современных теорий о приспособлении капитала к изменениям конъюнктуры и трактоваться как случай «перелета», когда движение в сторону точки равновесия приводит к удалению от нее. «Голод на новый капитал» удобно рассматривать в рамках концепции принципа акселератора; т. е. Е. А. Преображенский очень близко подошел к тому, чтобы дать полную формулировку этого принципа, хотя и не использовал самого термина. При определенных значениях стратегических переменных инфляция в результате осуществляемых расходов может усилиться и вызвать серьезные нарушения функционирования экономики еще до того, как проявится оздоровительный эффект увеличения размеров капитала*. Именно эта перспектива вызывала сильную озабоченность Н. И. Бухарина и

* Это соответствует, конечно, только одной из альтернатив, предусматриваемых для капиталистической экономики теоретиками-неокейнсианцами. В данной ситуации,

его сторонников. Наоборот, Е. А. Преображенский опасался того, что из-за сдержанности руководства страны, занимавшего умеренные позиции, советская экономика будет развиваться более медленно, чем полнокровная капиталистическая. Он предупреждал, что в итоге советская экономика могла перестать следовать логике принципа акселератора и в результате роста конечного спроса капитальные вложения не возросли бы, а вместо этого происходило бы сдерживание роста цен. Для него это означало сочетание худших сторон обоих вариантов*. И хотя Е. А. Преображенский не отрицал, что после принятия мер к «форсированному накоплению» противоположная политика также была сопряжена с серьезными опасностями, возможный выигрыш казался ему достаточно большим, чтобы оправдать риск. В этом опять-таки есть очевидные аналогии с положением в западных странах после Второй мировой войны, когда экономисты-теоретики были единодушны в своих концептуальных представлениях и выдвигаемых диагнозах затруднений в экономиках своих стран, но резко расходились в предлагаемых рекомендациях. Однако, если мы останемся на прежнем уровне абстракции, дальнейший поиск аналогий вряд ли многое даст. Такие сравнения могли бы сделать более понятными для читателей не из СССР некоторые из вопросов, поднятых в ходе дискуссии 20-х годов, но само по себе это не может указать, действительно ли возможные перспективы развития были столь мрачными, как это следует из приведенного выше сжатого очерка. Имела ли реальные основания уверенность в том, что объем капитальных вложений не должен уменьшаться ниже некоторого предела, который хотя и не определялся, но предполагалось, что он будет высоким. Можно ли оспаривать то, что товарный голод в советской экономике 20-х годов мог бы привести к такому развитию событий, которое не соответствовало традиционной модели инфляции, а если и соответствовало, то вызвало бы еще более негативные последствия. Наше исследование дискуссии позволило ответить на эти вопросы. Сейчас необходимо достаточно подробно их изучить.

* *
*

Мы попытались драматизировать ситуацию с осуществлением крупномасштабных капитальных вложений, указав на отставание в замене основного капитала в течение гражданской войны и в первые годы нэпа. Как отмечалось, именно Е. А. Преображенский и его сторонники поставили этот вопрос на повестку дня и подчеркивали его важность, в то вре-

силы, вызывающие рост экономики, не позволили бы ей соскользнуть с «верхнего уровня» полной занятости или полного использования мощностей, а подталкивали бы ее к преодолению этих ограничений. Стимул к инвестициям, которому следовало бы быть достаточно мощным для того, чтобы вызвать такое действие, должен быть «автономным», а не «вмененным». Можно спорить о том, проявился бы инфляционный эффект от чисто «вмененных» капитальных вложений в условиях советского нэпа сильнее, чем в капиталистической экономике — за счет большей предельной склонности к потреблению и более слабого «сдвига к сбережениям» в процессе роста. Однако советские экономисты в своих дискуссиях о политике капитальных вложений никогда не упускали из вида соображений об «автономных» факторах, поскольку, и это достаточно очевидно, такие соображения с самого начала имели первостепенную важность для ответственных лиц.

* «В условиях свободы конкуренции диспропорция (между промышленным производством и платежеспособным спросом страны) преодолевалась бы нормальным путем, т. е. путем сначала повышения цен в отраслях недостаточного производства и, следовательно, повышения прибылей вложенного в эти отрасли капитала, что затем немедленно вызвало бы приток сюда новых капиталов, новое строительство и в конце концов расширение производства до размеров и может быть больше размеров, соответствующих платежеспособному спросу. ... Но допустим, государство, которому принадлежит 80% промышленности, не расширяет производства в соответствии с ростом платежеспособного спроса... Мы имели бы, как имели фактически в 1925 г., не доведенное до своего конца, а потому совершенно уродливое и извращенное действие закона ценности, потому что этот закон в состоянии вызвать увеличение цен в рознице, но бессилён привести через этот инструмент возросших цен к перераспределению производительных сил страны в сторону ее более быстрой индустриализации» [2, с. 196—197].

мя как Н. И. Бухарин поначалу, по-видимому, считал, что эта проблема, как и большинство остальных, может быть решена с помощью «развертывания оборота». Лишь позже его позиция изменилась. Тем не менее ни одна из сторон не потрудились систематически изложить свою позицию. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть этот вопрос несколько подробнее.

Начнем с замечаний по поводу количественного аспекта проблемы. Никто из ведущих участников дискуссии не приводил фактических цифр. Тем не менее, к моменту появления книги Е. А. Преображенского были предприняты две серьезные попытки оценить изменения в размерах основного капитала за период 1914—1923 гг. путем вычисления оценки годовой разности между валовыми капитальными вложениями и амортизацией (в обоих случаях амортизация рассчитывалась без учета устаревания). В соответствии с данными профессора С. Г. Струмилина, одного из ведущих статистиков Госплана, размеры капитала в советской крупной промышленности в октябре 1924 г. были на 11% ниже максимума, достигнутого в 1917 г. и на 5% ниже довоенного уровня [3, с. 119]. Другие оценки, опубликованные ЦСУ, давали существенно иную картину: к концу 1924 г. снижение составило 23% по сравнению с максимумом 1917 г. и 12% по сравнению с уровнем 1913 г. [4, с. 31]. С учетом всего, что известно о подобных расчетах, вторая группа оценок представляется более вероятной; С. Г. Струмилин, по-видимому, недооценивал степень износа капитала за период 1918—1924 гг. и его относительно высокие оценки роста капитала за предыдущие годы не вполне убедительны*.

Нет необходимости говорить о том, что в связи с огромной концептуальной сложностью измерения размеров капитала было бы поспешным принимать любую серию данных даже в качестве первого приближения без попытки найти дополнительные свидетельства, с помощью которых можно было бы осуществить хотя бы грубую проверку. В нашем случае, к счастью, такое свидетельство существует. Временные ряды, динамика которых, как можно предположить, в целом совпадает с динамикой капитальных вложений и которые свободны от неточностей, связанных с исчислением индексов, показывают, что в рассматриваемый период происходил катастрофический спад. Выпуск стали, который к 1918 г. упал до 10% от уровня 1913 г., продолжал снижаться вплоть до 1921 г., когда равнялся 5% довоенного уровня и затем возрос до 23% в 1924 г. Временные ряды чугуна и стального проката имеют почти идентичную динамику [5, с. 107]. Импорт машин, который обеспечивал более половины их фиксируемого потребления в довоенный период, снизился почти до нуля в ходе гражданской войны [6, с. 16, 30, 40]. Последним по порядку, но не по значению, является то, что различные данные о возрасте советского промышленного оборудования в середине 20-х годов дают типичную картину экономики, восстанавливающейся после глубокого спада в объемах капитальных вложений и растущей благодаря «займам у прошлого». В соответствии с одним из наиболее всесторонних исследований о

* Точнее, необычно низкой представляется струмилинская оценка амортизации; он считал, что она составляла 2,9% общей величины капитала и была постоянна в течение всего рассматриваемого периода. При этом никак не учитывалось влияние, оказываемое практически полным прекращением в годы гражданской войны ухода за оборудованием и его ремонта, а также тем, что в начале эпохи качество этих работ было совершенно неудовлетворительным. (Но бездействие большей части мощностей несомненно противодействовало этим негативным эффектам за счет сокращения снашивания, вызываемого нормальным функционированием заводов. Невозможно сказать, учитывали ли это авторы альтернативной серии данных, когда они повысили оценку амортизации с 3,5% в 1914—1917 гг. до 5,5% в 1918—1922/23 гг.) Более того, два момента в вычислениях С. Г. Струмилиным возрастания капитала в 1914—1917 гг., очевидно, содержат искажения в сторону увеличения. Суммарная величина выпуска продукции гражданского машиностроения, которую он приводит для этих лет, по неизвестной причине существенно превышает цифры ЦСУ и его предположение о постоянстве на протяжении войны и предшествовавшего периода отношения прироста акционерного капитала к приросту всего капитала промышленности представляется сомнительным в свете того, что известно о высокой степени концентрации российской промышленности за годы войны.

силовых установках в промышленности, доли паровых котлов и первичных двигателей, возраст которых был до десяти лет, составляли в общем объеме установленного силового оборудования промышленности 4% и 9%. В то же время большая доля функционировавшего силового оборудования на самом деле представляла кучу металлолома. Доля оборудования, возраст которого превышал нормальный срок службы, т. е. приблизительно 20—25 лет для обеих групп, составляла около 50% для паровых котлов и около 30% для первичных двигателей [7, с. 92, 96].

Подведем итоги — размеры основного капитала советской промышленности, несомненно, значительно уменьшились. Являлось ли отсутствие замены оборудования серьезным аргументом в пользу резкого повышения нормы накопления? Е. А. Преображенский и его сторонники активно выдвигали этот аргумент, но без существенного обоснования. Они считали очевидным, что поскольку возможности резкого увеличения использования имевшегося оборудования были почти исчерпаны, замена оборудования должна была бы производиться с наибольшей скоростью. Что же касается обоснования, они всего лишь подчеркивали, что если сегодняшний товарный голод был вызван тем, что в прошлом оборудование не менялось, то нежелание решить эту проблему в настоящем привело бы к завтрашнему товарному голоду. Тем не менее, хотя их анализ был недостаточен, в целом их суждения оказались справедливыми.

Первый аргумент, который может быть выдвинут в поддержку крайне левых взглядов, является традиционным. Сокращение количества капитала в экономике с заданным технологическим уровнем предполагает (исключения будут рассмотрены ниже) повышение предельной отдачи от затрачиваемых факторов при условии, что число факторов остается неизменным. Конечно, возможности новых инвестиций будут представляться более благоприятными, если ослабить предположение о фиксированном уровне технологии. Е. А. Преображенский очень близко подошел к такой формулировке, когда говорил об «обновлении основного капитала в условиях быстрого технического прогресса» и, конечно, он хорошо понимал, что это применимо к советской экономике не меньше, чем к капиталистической. Опять-таки, в данном случае кратко замечание становится более понятным, когда оно глубже обсуждается.

Известно, что выбор между продолжением использования оборудования и заменой его на новое зависит от соотношения текущих издержек, связанных с первой альтернативой и суммарными издержками при второй. В той ситуации, когда ненормально большая часть имевшегося оборудования устарела и негативный эффект его старения в течение длительного времени усиливался недостаточным уходом, стимулы к обновлению будут действовать по отношению к большей доле общего запаса капитала, чем это было бы в экономике с более современным промышленным оснащением, которое бы лучше обслуживалось. Кроме того, большой возраст значительной доли капитала предполагает, что за время срока службы имевшегося оборудования осуществлена масса технологических усовершенствований. Это должно увеличить разрыв между существующим и возможными уровнями. Наконец, широкая замена капитала позволяет вводить современное оборудование в виде целых заводов, которые могут быть полностью организованы в соответствии с новыми методами. Это, при прочих равных условиях, дает возможность полнее использовать потенциал экономики для увеличения ее эффективности, чем при медленном росте, когда новая техника часто внедряется постепенно. Конечно, крайне маловероятно, что «прочие условия» остаются постоянными, и это приводит к тому, что ситуация становится менее очевидной. Но пока мы отложим обсуждение этих сложных вопросов и рассмотрим еще одну проблему.

Указывая на «завалы» в технологических усовершенствованиях, Е. А. Преображенский подчеркивал возможность совмещения замены капитала и экономического роста. Он мог бы еще усилить свою позицию, отметив, что длительный период потребления капитала привел к повышению не только верхнего, но и нижнего пределов для капитальных вло-

жений, даже если не принимать во внимание изменений в технологии. Причины этого обнаружить несложно. Спрос на замену капитала является не только функцией его размеров и среднего возраста (усложнения, связанные с различиями в сроке службы различного оборудования, не должны приводить к серьезным трудностям). Он зависит также от того, как использовался капитал в прошлом. В стационарной экономике со сбалансированным распределением возраста оборудования норма замены капитала, очевидно, была бы равна величине, обратной среднему сроку службы имевшегося оборудования. В постоянно растущей экономике эта норма была бы меньше, чем обратное значение, поскольку размеры подлежащей в конце данного года замене партии оборудования с одинаковым возрастом были бы меньше, чем размеры каждой из остающихся групп*. По той же самой причине в экономике, в которой происходил спад, для его приостановки норма замены запасов капитала должна была бы превосходить обратную величину среднего срока службы оборудования. В том случае, когда в экономике был подъем, а затем спад, потом снова подъем, наблюдалась бы комбинация двух описанных выше ситуаций. Достаточно очевидно, что именно этот «промежуточный» случай наилучшим образом описывает положение советской экономики в 20-е годы. В зависимости от того, в какой степени происходившая замена капитала была недостаточной, норма ее сразу после возобновления роста могла быть (или не быть) увеличена таким образом, чтобы равняться (или превосходить) величине, обратной среднему сроку службы оборудования. Однако несомненно, что она была бы больше, чем в последний год периода до начала спада, поскольку размер партии оборудования, которую необходимо заменить, теперь вырос, а общие объемы капитала сократились.

Иллюстрацией может служить простой числовой пример. Рассмотрим экономику, в которой капитал K рос с темпом r , равным 5% в год, средний срок службы оборудования составлял 10 лет, средний период строительства — 1 г. и производственная мощность единицы оборудования оставалась постоянной вплоть до его замены. Исследуем динамику запаса капитала на протяжении трех последовательных стадий — 1) постоянный рост, 2) недостаточная замена капитала в течение последних трех лет, когда валовые капитальные вложения I составляют долю от величины выбывающего оборудования R , 3) возобновление валовых капитальных вложений в размерах, соответствовавших норме инвестиций, существовавшей до спада. Результаты расчета приведены в таблице (все величины — в единицах производственной мощности).

Год	I	R	$I-R$	K	Год	I	R	$I-R$	K
1	100	61	39	806	12	25	105	-80	1104
2	105	64	41	847	13	25	110	-85	1019
3	110	67	43	890	14	132	116	16	1035
4	116	70	46	936	15	134	122	12	1047
5	122	74	48	984	16	136	128	8	1055
6	128	78	50	1034	17	137	134	3	1058
7	134	82	52	1086	18	137	141	-4	1054
8	141	86	55	1141	19	137	148	-11	1043
9	148	90	58	1199	20	135	155	-20	1023
10	155	95	60	1259	21	133	25	108	1131
11	25	100	-75	1184	22	147	25	122	1253

Легко заметить, что когда $I_{10}/K_{10} = I_{14}/K_{14}$, $R_{10}/K_{10} < R_{14}/K_{14}$ и это выполнялось бы даже, если спад происходил бы только в течение одного года.

* Разность между нормой замены и величиной, обратной сроку службы, была бы возрастающей функцией от срока службы оборудования и от темпа роста капитала за период, равный этому сроку. Строгое доказательство и дающее разъяснение всей проблемы обсуждение см. в [8].

Несомненно, что в свете этих уточнений ситуация в советской экономике, с ее пресловутыми длительными сроками строительства и оборудованием, уход за которым был совершенно недостаточным, была еще менее обнадеживающей.

Подводя итог, можно сказать, что восстановление существовавшего до спада отношения валовых капитальных вложений к величине капитала представляется чрезвычайно незначительным минимальным условием для возобновления роста. Тем не менее, достижение этой цели, столь скромной по сравнению с потребностями, могло оказаться очень сложной задачей. Здесь было еще одно обстоятельство, о котором не упоминал Е. А. Преображенский и другие участники дискуссии, возможно в связи с тем, что оно было общеизвестным. Сектор, который должен был произвести необходимое оборудование для замены изношенного капитала, пострадал гораздо сильнее, чем экономика в целом. Разумеется, такая неравномерность спада никак не следовала из логики процесса недостаточной замены капитала как таковой. Наоборот, средняя физическая продолжительность срока службы оборудования в отраслях, производящих средства производства, по-видимому, больше, чем в других отраслях. В связи с этим значительная доля этого оборудования должна была бы сохраниться в течение того периода, когда величина чистых капитальных вложений была отрицательной. Более того, в России, как и в других странах, участвовавших в первой мировой войне, мощности металлургических отраслей в связи с нуждами войны к 1916 г. намного превысили довоенный уровень*. Тем не менее, решающим оказался хаос 1917—1921 гг. Во время как перевод более или менее существенной части вновь построенных заводов на производство гражданской продукции был бы, несомненно, возможен и в Советском Союзе, необычно сильное разрушение оборудования и падение квалификации рабочих делало это длительным и дорогостоящим предприятием. Однако как бы велики ни были эти трудности, они вполне перекрывались теми процессами, о которых упоминалось раньше. Почти полное прекращение выпуска черных металлов в большой степени было следствием особой чувствительности производящего железо и сталь оборудования к нарушениям поставок и дефициту минерального сырья. Тем не менее, одним из важных факторов, повлекших этот катастрофический спад, было, несомненно, сокращение основного капитала, вызванное не только совершенно недостаточным уходом за ним, но и значительными разрушениями, которые были намного больше, чем в среднем по промышленности, и явились результатом военных и политических событий, происходивших на определенной территории России. Особенно жестокие сражения гражданской войны происходили в юго-западных районах страны, где размещалась большая

2. Предположим, что средний срок службы оборудования n такой же, как и в исходной модели, но его производительность уменьшается каждый год на некоторую константу. В этом случае потребность в замене капитала равна не величине старейшей (и наименьшей) партии оборудования, а общей сумме годовой амортизации всех его возрастных групп, которые функционировали в течение последнего года амортизации всех его старого. Поскольку эта амортизация равна $1/n$ всех n групп, она больше чем при периодической замене. Однако, если абсолютные потребности в замене капитала выше, его общий запас относительно меньше, причем разность составляет суммарная амортизация, а то же самое количество оборудования имеет меньшую мощность. Соответственно, равное уменьшение капитальных вложений привело бы к гораздо большему сокращению капитала как в результате некомпенсируемого выбытия группы старейшего оборудования, так и в связи с резким ростом его среднего возраста. Попытки восстановить положение путем возврата к тому отношению суммарных капитальных вложений к величине капитала, которое существовало до спада, дало бы еще меньший результат, чем в случае периодической замены оборудования. Действительно, возможность восстановления этого отношения была бы проблематичной, поскольку сокращение капитала могло зайти достаточно далеко, чтобы сделать такую задачу невыполнимой.

* В соответствии с расчетами Н. Я. Воробьева, цитируемыми С. Г. Струмилинным [3, с. 100], общая продукция машиностроения по рассматриваемым заводам возросла с 308 млн. руб. в 1913 г. до 978 млн. руб. в 1916 (в ценах 1916 г.). Даже если сделать скидку на неполноту информации и на то, что при использовании в качестве весов цен исходного периода в условиях резкого изменения структуры выпуска могло происходить завышение объемов выпуска, несомненно, что его увеличение было значительным.

доля советской черной металлургии. В соответствии с авторитетными источниками, в 1925 г. сохранившийся основной капитал черной металлургии составлял не более $\frac{2}{3}$ довоенного уровня [9, с. 282]. Означало ли сокращение мощностей по производству фондов, что одновременно и увеличились стимулы к расширению производства (со стороны спроса) и стало больше препятствий к этому (со стороны предложения)? Участники дискуссии никогда в явном виде не изучали этого аспекта, однако он был удручающе реален. Действительно, если недостаточная замена оборудования особенно характерна для тех сфер производства, от которых решающим образом зависело функционирование всей системы, и если некоторые виды экономии от роста масштабов производства были утрачены, в целом можно было вернуться к повышающейся отдаче от вложений. В этой ситуации возникают очень мощные стимулы к осуществлению капитальных вложений. В то же самое время сильный ущерб, нанесенный производству средств производства, привел бы к существенному увеличению затрат на капитальные вложения. Используя терминологию проф. А. П. Лернера [10], можно сказать, что когда предельная производительность капитала относительно высока и еще увеличивается, предельная эффективность капитальных вложений оказывается низкой и продолжает резко снижаться. Дело осложнялось и тем, что теперь большая доля продукции отраслей, выпускающих средства производства, должна была направляться на сохранение размеров основного капитала на понизившемся уровне (причины обсуждались выше). Теоретически в результате этого все попытки добиться восстановления прежнего уровня были бы обречены на полный провал. Уменьшение мощностей по производству средств производства, возникшее из-за недостаточной замены капитала, неудовлетворительного ухода за оборудованием и просто его разрушения, могло пойти настолько далеко, что затраты на восстановление стали бы стремиться к бесконечности (например, в случае полного уничтожения сталелитейной промышленности). В несколько менее экстремальной ситуации предельная эффективность капитальных вложений приблизилась бы к нулю при уровне выпуска средств производства, совершенно недостаточном для удовлетворения потребностей в расширенной замене оборудования; в итоге, спад продолжался бы, и так же, как в предыдущей ситуации, экономика, хотя и медленнее, двигалась бы к окончательному краху.

Конечно, нет никаких поводов предполагать, что действительное положение дел в советской экономике 20-х годов соответствовало этой мрачной картине. Более того, если график предельной эффективности капитала таков, что она имеет положительные значения при вложениях, больших чем уровень, обеспечивающий замену оборудования, выгоды от движения графика вниз были необычно велики. Чем дальше удалось бы продвигаться, тем быстрее экономика перемещалась бы по восходящей кривой предельной производительности капитала. А это, в свою очередь, означает, что графики предельной эффективности капитальных вложений сдвигались бы кверху, становясь более плоскими по мере того, как отрасли, производящие средства производства в процессе роста вновь начали бы пользоваться эффектом от увеличения масштабов производства, а также внедряли технологические усовершенствования, осуществленные за прошедший период времени*. Но это — только одна сторона вопроса. Осуществление, несмотря на быстро растущие затраты, капитальных вложений в относительно больших объемах предполагало бы, что соответствующая, заданная в явном или неявном виде, ставка процента была бы гораздо более низкой, чем это вытекало бы из временных предпочтений населения. Руководство страны, которое попыталось бы действовать на основе своего собственного временного предпочтения и произвести такой объем капитальных вложений, попало бы в тяжелое положение. Придание высокого приоритета восстановлению капиталоем-

* Это рассуждение может быть проиллюстрировано трехмерным графиком, взятым, с небольшой модификацией, из [10, с. 336].

кой тяжелой промышленности означало бы связывание большого количества ресурсов в проектах, которые начнут давать продукцию только спустя несколько лет. Напомним, что Е. А. Преображенский много говорил об этом. Он также четко сформулировал, что необходимость «перiodической замены» была тесно связана с переходом от восстановительного к реконструктивному периоду и с наследием недостаточной в прошлом замены капитала (рис. 1). Конечно, не было причин считать, что эти два периода будут разделены резкой гранью. Вполне можно было продвигаться вперед благодаря более рациональной эксплуатации существующих мощностей и увеличению длительности службы оборудования за пределы нормального срока. Фактически, Е. А. Преображенский сам

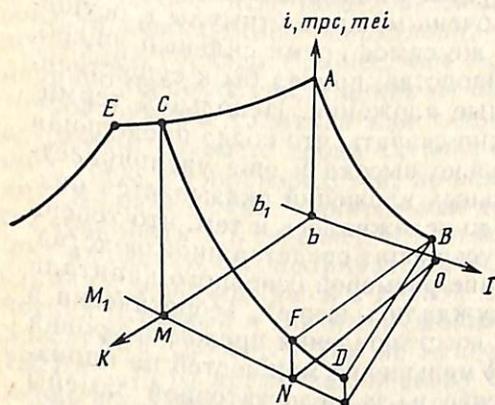

Рис. 1. bK и bI — размеры капитала и норма чистых капитальных вложений; bA — предельная производительность капитала (трс), предельная эффективность капитальных вложений (теі) и норма процента; b_1b и M_1M — уровень замещения, необходимый для поддержания размеров капитала на уровнях b и M ; E — граница интервала, в котором происходит увеличение отдачи от вложений капитала. Пока экономика развивается внутри этого интервала, FN больше, чем BO , а BO равно MN

признавал возможность такого «займа из общего запаса основного капитала» при рассмотрении послевоенного развития капиталистической экономики [11, с. 66, 77; 12, с. 71]. Но попытки использовать все это потребовали бы, как это сформулировал В. А. Базаров, «больших и постепенно увеличивающихся усилий», другими словами — резкого увеличения издержек. И хотя возникающий в результате отставания рост предложения от увеличения издержек был менее опасным, чем если бы последовательно осуществлялась политика вложений, направленных на полное обновление основного капитала, он был бы достаточно серьезным для того, чтобы вызвать инфляцию.

* *

*

Анализ негативных последствий длительной недостаточной замены оборудования мы закончили обсуждением опасностей, связанных с попытками получить от этого выгоду. Однако изменения в мощности представляли лишь одно лезвие ножниц. Вторым были изменения в размерах и структуре национального дохода. В данной области советские экономисты из различных группировок высказывались, формулируя основные положения, более отчетливо и откровенно.

Начнем с того, что крайне левый Е. А. Преображенский и центрист В. А. Базаров совершенно четко подчеркивали, что в результате революции потенциальные возможности для добровольного накопления уменьшились. Более того, в отличие от официальной позиции, с которой выступали И. В. Сталин и ряд экономистов, они, по-видимому, не придавали большого значения компенсирующему для советских условий фактору сокращения потребления предметов роскоши. Е. А. Преображенский об этом вообще не упоминал, а В. А. Базаров открыто выражал свой скептицизм. Все это позволяет сделать заключение, что склонность к потреблению теперь гораздо ближе к единице, чем до 1917 г., даже если бы реальный доход на душу населения достиг прежнего уровня (чего, очевидно, не было в середине 20-х годов). Такое положение дел, в совокупности с описанными выше процессами, было взрывоопасным. Эффект мультипликатора от новых капитальных вложений был бы велик, но во многом потрачен на повышение цен или (в случае скрытой инфля-

ции) на увеличение избыточного спроса. Число недействующих заводов, на запуск которых потребовалось бы увеличение расходов, было очень ограниченным. Из-за систематического истощения запасов капитала в течение предыдущего периода уже на ранних этапах восстановительного процесса возникали узкие места. Наконец, природа соответствующих временных лагов не благоприятствовала бы стабильности. В результате высокого замкнутого спроса и отсутствия доверия к ценности денег лаг в расходовании средств должен был быть необычно коротким. Тем не менее период освоения проектной мощности оборудования оказался бы в связи с тяжелым состоянием промышленности, производящей средства производства, и с медленным проведением строительных работ, необычно длительным. Оценка Е. А. Преображенским срока строительства рядового завода в 3—4 года не представляется завышенной, во всяком случае для промышленности, выпускающей средства производства. А это означает, что эффект расходов проявился бы быстро и сильно, а эффект увеличения мощности — мучительно медленно.

Создается впечатление, что, дойдя до этого пункта, дискуссия описала круг. По-видимому, мы вновь сталкиваемся с проблемой достаточно типичной, хотя и необычно сильной инфляции. Тем не менее, анализ советскими экономистами товарного голода содержал, помимо рассмотренных выше традиционных соображений и новый аспект.

В современной индустриальной экономике взаимодействие различных ее частей является двусторонним. Будем ли мы говорить о «промышленности» в широком или узком смысле слова, масштаб ее функционирования всегда в той же мере зависит от поставок из остальной части экономики, в какой масштаб функционирования последней зависит от поставок этой «промышленности». В том же случае, когда современная обрабатывающая и добывающая промышленность соседствуют с отсталым сельским хозяйством, характеризующимся аграрным перенаселением, положение дел совершенно иное. В то время как промышленность не может существовать без определенного минимума поставок от сельского хозяйства, оно могло, хотя и за счет более или менее значительного снижения объема выпуска продукции, функционировать без поставок от первой. В отличие от механизированного фермерского хозяйства развитых стран, примитивное крестьянское хозяйство могло ответить на уменьшение поставок промышленных товаров увеличением срока использования имеющегося оборудования вплоть до полного физического износа и тем, что больший упор был бы сделан на производство в крестьянских хозяйствах несельскохозяйственных предметов потребления, а также орудий труда для сельского хозяйства. Хотя замена стального плуга на изготовленную вручную деревянную соху привела бы к снижению продуктивности сельского хозяйства, это, конечно, не прекратило бы самого производства. При катастрофической нехватке промышленных товаров такое положение дел могло бы дать определенные преимущества промышленному сектору экономики. В этих условиях последовательная политика конфискации прибавочного продукта сельского хозяйства практически без какого-либо обратного потока товаров из города не привела бы автоматически, т. е. просто в результате нехватки сырья, к немедленному краху сельскохозяйственного производства. По существу, такова была ситуация во время политики военного коммунизма. И такой же (хотя, конечно, и в гораздо менее выраженной форме) она была до революции, когда необходимость продавать без того, чтобы покупать в сколько-нибудь сравнимых масштабах, характеризовала организацию сельскохозяйственного производства России. Напомним, что Е. А. Преображенский использовал это в качестве одного из основных положений своей концепции. После того, как аппарат принудительного сбережения времени военного коммунизма вслед за своим предшественником периода царизма был демонтирован, положение радикально изменилось, хотя это произошло не сразу. В промежутке между этим был благоприятный интервал, который сделал возможным экономическое чудо первых лет нэпа и оказал глубокое влияние на мышление многих партийных экономистов.

Путем раскрепощения мелкой промышленности государство смогло увеличить поставки в деревню. Крестьяне, которые многие годы остро нуждались в этих поставках, реагировали на это значительным увеличением продаж продуктов питания и сырья в города и были вполне согласны отдавать продналог, который, с их точки зрения, был большим шагом вперед по сравнению с безжалостной политикой конфискации более раннего периода. Доход от этого налога и по крайней мере часть избытка продовольствия, поступающая на частный рынок, могли затем быть направлены в крупную промышленность для того, чтобы оживить остановившееся производство. Начался настоящий кумулятивный процесс, в ходе которого увеличение поставок, попадающих из города в село, вызывало увеличение обратного потока из сельского хозяйства. Это, в свою очередь, давало необходимые средства для последующего прироста выпуска промышленной продукции, который мог бы, по внешней видимости, продолжаться по постоянно увеличивающейся спирали. В некотором смысле это было проявлением эффекта мультипликатора, но со стороны не спроса, а предложения; причем размер поступающего на рынок избыточного сельскохозяйственного продукта, играя в старом добром стиле роль «фонда заработной платы», определял величину занятости.

Когда Н. И. Бухарин и его сторонники анализировали ситуацию под этим углом зрения, они, конечно, не смотрели через розовые очки. Более того, даже самые непримиримые из их оппонентов никогда не отрицали того, что в этом анализе есть большая доля истины. Е. А. Преображенский вполне понимал, что «размеры накопления (в социалистическом секторе) зависят от величины обмена» между промышленностью и сельским хозяйством [2, с. 282], и он усиленно подчеркивал, что политикой монополистического нажима не следует злоупотреблять. Тем не менее он был прав, когда полагал, что в своем современном положении советская экономика не сможет выдержать политики «сбалансированного роста» в течение длительного времени. Приближение к границам технологической мощности оборудования означало бы, что графики предложения продукции промышленности, которые раньше неизбежно были пологими, теперь должны были круто пойти вверх. Тем самым были бы эффективно разрушены основы политики сокращения раствора ножниц цен на промышленные и сельскохозяйственные товары. Конечно, кривые предложения в результате увеличения мощностей, достаточного для удовлетворения постоянно растущего спроса, могли бы быть смещены вправо — задача, решение которой осложнялось проводимой в предшествующие годы политикой недостаточной замены оборудования. Однако к 1926 г. все осознавали, что такое увеличение мощности потребовало бы гораздо больших затрат на единицу продукции и привело бы к более длительному «созреванию» капитальных вложений, чем при увеличении выпуска в ходе восстановительного процесса. Ясно, что при исследовательских усилиях достичь максимума производительности от существовавшего оборудования, объем выпуска промышленных потребительских товаров не обязательно должен был бы сокращаться. Но теперь гораздо большая его доля поступала бы быстро растущему городскому населению, чьи реальные доходы были выше, чем у сельского *. В то же время спрос на продукты питания со стороны этой рабочей силы увеличивался бы по меньшей мере *pari passu* с ее ростом, если не скорее. Именно при таком положении дел проявились бы угрожающие потенциальные возможности отсталого сельского хозяйства. Столкнувшись с сокращением по-

* Это имел в виду Е. А. Преображенский, когда настаивал на том, что «увеличение фонда заработной платы легкой промышленности... должно предшествовать увеличению покрываемого крестьянского спроса на предметы потребления, производимые в легкой государственной промышленности» [11, с. 65]. Он высказывался еще более откровенно, когда решительно отвергал протесты крестьян против роста заработной платы и доказывал, что «социализм знает только один вид выравнивания материальных условий города и деревни, и состоит это выравнивание, если не говорить о временном улучшении в положении мелких производителей, в ликвидации самих основ индивидуального мелкого производства» [там же, с. 64].

ставок промышленных товаров и повышающимся спросом на его собственные продукты, крестьянин просто захотел бы выйти из игры. После того, как он достиг, говоря словами В. А. Базарова, «совершенно необходимого уровня» потребления промышленных товаров, он все менее охотно увеличивал бы объем своей товарной продукции даже при старых условиях торговли. Таким образом, с его стороны было вполне логичным ответить на ухудшение этих условий сокращением поставок продукции на рынок и возвратом далеко назад — к самообеспечивающемуся *Naturalwirtschaft*. То, что крестьянин за предшествующий период смог восполнить наиболее явные нехватки в запасах капитала, усилило бы его позиции во время этого маневра. В результате, городской сектор экономики испытал бы влияние не только отставания выпуска продукции от спроса на нее, но и непосредственного уменьшения поставок продуктов, являющихся основными как в потреблении рабочих, так и в экспорте, который должен был обеспечить оплату столь необходимого оборудования, поступающего из-за границы. Глубоко негативные последствия такого положения вещей слишком очевидны, чтобы продолжать их обсуждение, и относительно несущественно, начали бы угрожающие события проявляться в виде товарного голода или открытой инфляции.

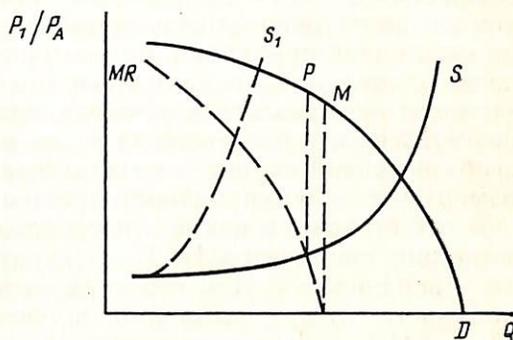

Рис. 2. y — отношение цен промышленных и сельскохозяйственных товаров; x — объем промышленной продукции, доступный крестьянам

ЗАМЕЧАНИЕ

Для изложения части аргументов, рассмотренных в последнем разделе, в более систематизированном виде, может быть полезной несколько модифицированная версия обычной диаграммы Маршала (см. рис. 2). Этот подход обладает, конечно, в основном дидактической ценностью. Используются некоторые предположения, которые, хотя и не невероятны, не могут быть приняты без тщательной статистической проверки. В настоящий момент их следует считать, в лучшем случае, гипотезами, дающими пищу для размышлений.

На рис. 2 по оси y откладывается отношение цен промышленных и сельскохозяйственных товаров, по оси x — объем промышленной продукции, доступный крестьянам. С учетом того, что в начале восстановительного периода в городском секторе имелись большие резервы мощности, можно ожидать, что кривая S будет достаточно пологой для широкого спектра выпусков продукции, которые возможны в экономике. Более того, поскольку в течение первых лет вложения в основной капитал были незначительными, не будет неправильным полагать увеличение в этот период объема выпуска продукции не как сдвиг графика предложения вправо, а как движение по одному и тому же графику. Тем не менее, вполне возможно, что первоначально такой сдвиг имел бы место даже без капитальных вложений в промышленность, возрождающуюся из хаоса гражданской войны.

Что же касается кривой D , представляющей как спрос крестьян на промышленные товары, так и, в неявной форме, размеры товарной части продукции крестьянства, то ситуация сложнее. Было бы необоснованным рассматривать изменения в этом спросе как движение по одному и тому же графику, поскольку увеличение в доходах сельского хозяйства, вызванное улучшением предложения, привело бы к постепенному сдвигу графиков крестьянского спроса, анализируемых на коротком промежутке времени, вправо. Кроме того, существовал и большой неудовлетворенный спрос крестьян, накапливавшийся в течение скучных лет первой ми-

ровой и гражданской войн. Оба эти фактора привели бы к тому, что функция спроса, изучаемого на длительном промежутке времени, была бы весьма эластичной на большом интервале. Можно предположить, что эта эластичность будет увеличиваться до тех пор, пока выпуск промышленной продукции не достигнет уровня, который крестьяне привыкли в довоенный период рассматривать как нормальный. Действительно, можно сделать еще один шаг в этом направлении и считать (и это не будет нелогичным), что точка перегиба кривой спроса на большом интервале времени достаточно близко соответствует такому объему произведенной промышленной продукции, при котором график функции кривой предложения начнет резко подниматься, поскольку существовавшие до 1914 г. мощности промышленности, обслуживавшие крестьянский рынок, по-видимому, вполне соответствовали его размерам. (Отметим, что точка перегиба в кривой спроса соответствовала бы, очевидно, максимальным размерам товарной продукции крестьянского хозяйства.)

В той степени, в какой эти предложения выполнялись бы, некоторые из ранних аргументов Н. И. Бухарина выигрывают в убедительности. Его утверждение о том, что «при меньших ценах и больших размерах проданного товара возможно получение больших размеров прибыли» [13, с. 54], выглядело излишне категоричным. Более того, представляется, что он противоречил сам себе или уклонялся от ответа, когда доказывал, по другому поводу, что «было бы вздорным с нашей стороны отказываться от использования нашего монопольного положения; но мы должны это использование вводить в такие рамки, чтобы не сокращать, а увеличивать емкость внутреннего рынка» [14, с. 27]. Тем не менее, в свете того, что уже нам известно, эти нечетко сформулированные утверждения вполне согласуются друг с другом. Достаточно обоснованным будет считать, что летом 1923 г. руководство советской промышленностью установило такое соотношение цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, которое на нашей диаграмме соответствовало бы точке, находящейся слева от точки P (см. рис. 2), в которой достигается максимум дохода. Более того, вполне резонно считать, что поскольку кривая издержек для широкого спектра выпусков продукции промышленности была как низкой, так и пологой, точка, соответствующая монополии, была бы ближе к точке максимума предложения продукции сельского хозяйства, чем в случае резко возрастающей кривой. Достаточно лишь взглянуть на гипотетическую кривую S_1 на нашем графике, чтобы убедиться в этом. Поэтому степень вызванного монополией отклонения от того, что западный экономист-теоретик считал бы оптимальной точкой, была эффективно сокращена. Конечно, можно доказывать, что даже небольшое отклонение было бы неоправданным, и что цены должны устанавливаться на уровне предельных издержек. Такая идея, что неудивительно, никогда не приходила в голову Н. И. Бухарину или какому бы то ни было советскому экономисту рассматриваемого периода. Но даже если они и не были знакомы с этим «правилом», они могли попытаться оправдать их политику отклонений, указывая на то, что ускоренный промышленный рост в перспективе был бы выгодным для экономики в целом, и что возможности перераспределения ресурсов из сельского хозяйства в промышленность путем прямых налогов или добровольного накопления крестьян были очень ограничены. (Кроме того, советские экономисты рассуждали в терминах средних издержек; а так как предельные издержки стали бы выше средних как только последние начали бы возрастать, часть того, что Н. И. Бухарин и другие участники дискуссии считали монополистической надбавкой, была бы *bona fide* конкурентной цены.) Тем самым было бы оправданным нежелание Н. И. Бухарина отрицать преимущества монопольного положения. В то же время его предупреждения против использования этих преимуществ до самых пределов имели бы большой смысл, если интерпретировать их как совет выбирать точку (см. рис. 2) справа от P (или даже от M). Не было бы нереалистичным ожидать, что в ранний период нэпа улучшение в поставках оборудования и промтоваров крестьянам привело бы спустя год

к увеличению размеров крестьянской товарной продукции, и что это увеличение было бы достаточно большим для компенсации сегодняшней жертвы, связанной с ослаблением монопольного прессы.

Однако, хотя наша конструкция позволяет представить идеи Н. И. Бухарина в несколько более стройном виде, она также четко выявляет их недостатки. Н. И. Бухарин не смог предусмотреть развития событий, соответствовавших зоне ниже находящейся близко к горизонтали кривой предложения. Он не обратил внимания на тот факт, что в связи с массовой недостаточной заменой оборудования в прошлые годы, граница этой зоны соответствовала бы меньшему уровню выпуска продукции, чем это было возможно, если бы не произошло уменьшения мощностей. Он игнорировал вероятность существования перегиба в кривой крестьянского спроса и не обратил внимания на то, что в то время, как физическое опустошение, вызванное революцией, сдвинуло кривую крестьянского предложения влево, сопутствовавшая этому неразбериха в распределении доходов привела к сдвигу кривой крестьянского спроса вправо. По всем этим аспектам Е. А. Преображенский показал более глубокое понимание сути проблем, чем его главный оппонент.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hicks J. R.* World Recovery After — Wara Theoretical Analysis//Econ. J. 1947. V. 47. N 6.
2. *Преображенский Е. А.* Новая экономика. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1926.
3. *Струмилин С. Г.* Очерки советской экономики. М.—Л.: Госиздат, 1930.
4. Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923—24 года. Тр. ЦСУ СССР. М.: 1925. Т. XXIX. Ч. II.
5. Промышленность СССР. М.: Госстатиздат, 1957.
6. Внешняя торговля Союза Социалистических Республик за период 1918—1927/28 гг. М.—Л.: Снабкоопгиз, 1931.
7. *Барун М.* Возраст и изношенность основного капитала промышленности//Соц. хоз-во, 1928. № 1.
8. *Domar E. G.* Essays in the Theory of Economic Growth. N. Y., 1957.
9. *Струмилин С. Г.* Черная металлургия в России и СССР. Технический прогресс за 300 лет. М.: Изд-во АН СССР. 1935.
10. *Lerner A. P.* The Economics of Control. N. Y., 1944.
11. *Преображенский Е. А.* Хозяйственное равновесие в системе СССР//Вестн. Коммунистической академии. 1927. Кн. XXII.
12. *Преображенский Е. А.* Закат капитализма. Л.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1931.
13. *Бухарин Н. И.* К критике экономической платформы оппозиции//Большевик. 1925. 15 янв.
14. *Бухарин Н. И.* Новое откровение о советской экономике или Как можно погубить рабоче-крестьянский блок//Большевик. 1924. 10 дек.

Перевод Белых А. А.